

РЖАВЫЙ ТОПОР

РЖАВЫЙ ТОПОР

(СКАЗКИ ТЕТКИ АГАТЫ)

Художник Алексей Орехов

Библиотека Ладовед.
SCAN. Юрий Войкин 2012г.

САРАНСК
МОРДОВСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

1989

4803010201—081
M 130 (03)—89 ^{63 ~ 89}
ISBN 5—7595—0165—8

Мордовское книжное издательство, 1989

ОТ АВТОРА

Было это давно... Когда я ещё мальчишкой бегал по пыльным деревенским улочкам в коротких штанишках на одной лямке, смело давал отпор рябому соседскому петуху, дразнил злого пса Дришку и вместе с друзьями храбро сражался с разбойниками — лопухами.

Тогда ещё не было ни телевизоров, ни магнитофонов и кино в деревне в неделю раз показывали. Но мы никогда не скучали.

Жила на нашей улице, по соседству, тётка Агата. Слыла она мастерицей на всю деревню. Шила и вязала лучше всех. А какие пирожки пекла с калиной! До сих пор их вкус помню.

Но, главное, сколько она всяких сказок знала! Детей у неё не было. Потому, видно, нас всех и привечала. Соберёмся у неё гурьбой, кому пирожок, кому кусок сахара сунет, кому просто ржаную горбушку, затем сядет на широкой самодельной деревянной кровати, полная, добрая, поправит цветастый фартук, от которого всегда свежим тестом пахло, возьмёт в руки спицы и начнёт ровным чистым голосом рассказывать. Мы вокруг неё прижмёмся, как котята, и слушаем...

Немало воды утекло с той поры. Многие сказки, которые рассказывала тётка Агата, я в книжках позже нашёл. Но эти, которые хочу пересказать, больше нигде не читал и ни от кого не слышал.

РЖАВЫЙ ТОПОР

Жил-был старик. Было у него три сына. Два умных, а третий, как всегда в сказках бывает,— Фома-дурачок.

Старик скоро умер, и сыновья стали наследство делить. Старшему избёнка досталась, среднему — лошадёнка. Про Фому и забыли. А как вспомнили, старший брат говорит:

— Какое ему наследство! Он всё равно за три дня от него ничего не оставит.

А Фома, и вправду, был простаком. Себе не оставит — другого пожалеет. Сплетёт, бывало, батяня ему новые лапти, Фома утром наденет, а вечером, глянь, без них идёт: дружку лапти поносить отдал, тому босому нельзя, на острый камешек наступил — ногу повредил, а надеть нечего. Ну а коль дед гостинцев Фоме из города привезёт, так все его приятели их испробуют. Что и говорить, ежели штаны на медную пуговицу менял!

— Перед людьми неудобно, коль ничего ему не оставим,— перечит старшему средний.

Спорили, спорили братья и решили Фоме старый ржавый топор от отцовского наследства отделить. Мол, так отец велел. А отец-то мастером по плотницкому делу был. По всей округе славился. Много всякого инструмента у него водилось. Да какой инструмент! Всем инструментам инструмент! Для чего он этот ржавый топор у себя держал, так никто и не знал.

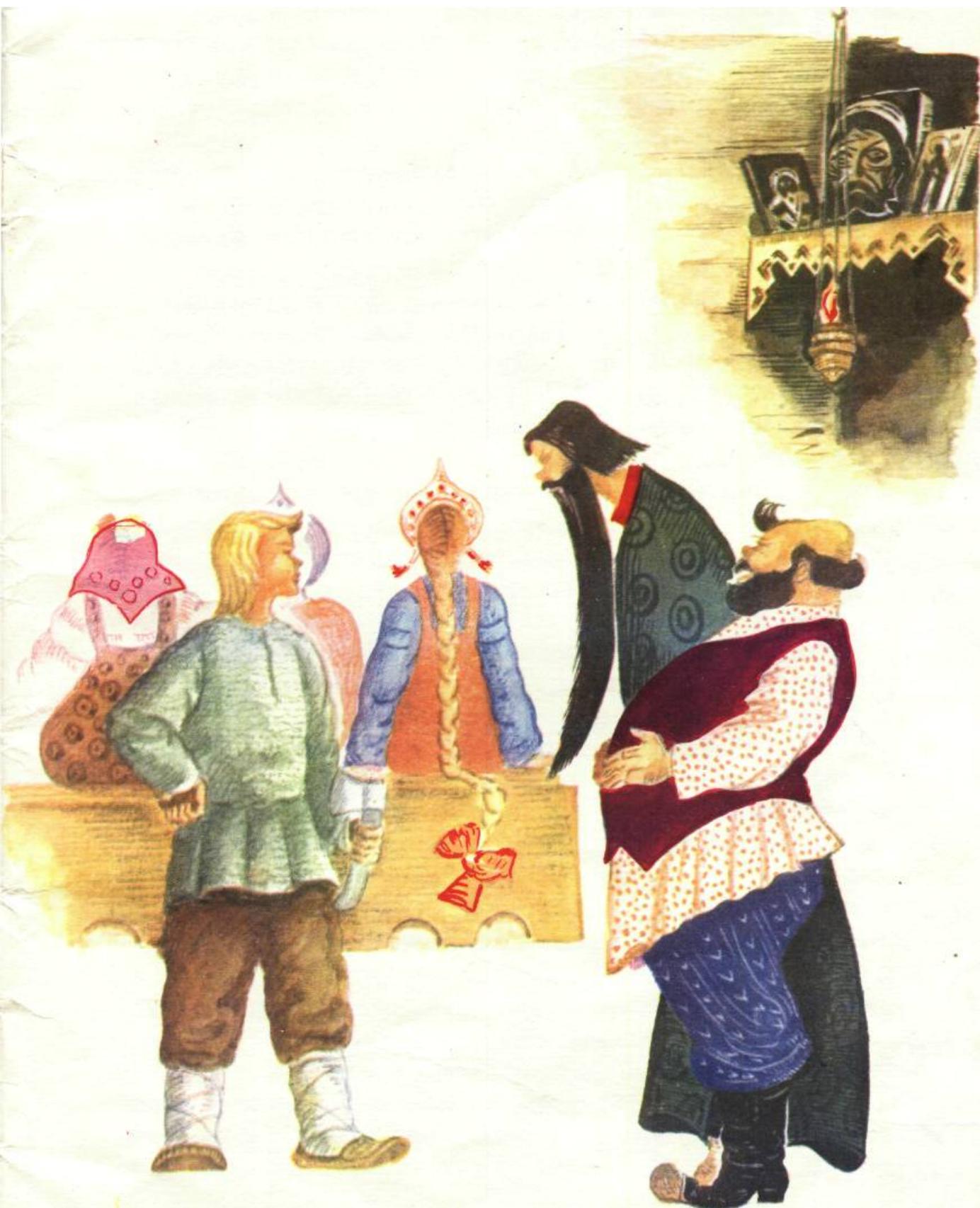
А Фома на всё согласен. Топор так топор!

Думал, думал Фома, что с топором делать, да и решил пойти на базар продать его.

Пришёл на базар, а над ним все смеются:

— Где ты его раздобыл, Фома?

— Этим топором палку на дрова не срубишь, не то что плотничать!

— Поточил бы его хоть, Фома!

Сунул Фома свой топор за пояс, под кафтан спрятал, чтоб народ честной не смешить.

Слышит тут, одна бабка другой новости рассказывает:

— Была давеча в Царь-граде и такое слыхала... У царя-батюшки нашего — три дочки на выданье. Старшая Василина — умница, средняя Дарья — рукодельница, а меньшая Яруска — неслушница. Во всем отцу перечит, боярам козни строит, королю заморскому язык показала. А вот к простому люду тянется. С бабами судачит, за бедных заступается. Царю это не нравится, и говорит он ей: «Слушаться не будешь, за простого мужика, за самого бедного, замуж отдам!»

— А, ба! — удивилась вторая бабка.— Да где это видано, где это слыхано, чтобы цари за бедняков дочек своих выдавали?!

Слушает Фома и думает: «Зря бабки говорить не станут. Знать, есть в их словах правда. Царь — всему голова, как скажет, так и будет. А что, ежели мне царскую дочку сосватать? Чем я не бедняк? Один топор в хозяйстве, да и тот ржавый».

И решил Фома идти к царю-государю просить руки его дочери.

Узнали братья, куда Фома собирается, посмеялись, но отговаривать не стали. Знали: коль Фома что задумает, то и сделает.

Обул Фома новые лапти, надел на голову красный колпак, сунул за пояс наследство отцовское — топор ржавый, закинул за плечи котомку с едой, что ему невестки собрали, и отправился в путь-дорогу.

Идёт Фома день, другой, а на третий в лес зашёл. Там топоры стучат — лес рубят. Шагает он по просеке, видит, у дерева дед стоит согнувшись. Худой, в чём душа держится. Топор в ствол вонзил, а выдернуть не может — силёнок не хватает.

— Эх, дед, дед,— говорит Фома,— на печи бы тебе лежать, а ты за молодецкую работу взялся.

— Зову смерть — не приходит, а с голоду помирать не хочется,— отвечает дед.— Мне бы вот ещё хоть три осинки свалить — на хлеб с квасом заработать. А там как-нибудь...

— Помогу тебе, попробую,— говорит Фома.

Взялся он за дедов топор, попробовал, выдернуть, а топорище и сломалось. Вспомнил тут Фома про свой ржавый топор, вынул его из-за пояса, у деда брусок взял, провёл им по лезвию и удивился: зазвенел топор. Упругая сталь чувствуется.

Точит Фома топор, а он звенит, словно от радости смеётся. Наточил острее бритвы, подошёл к осинке, решил попробовать, как топор рубить будет. Размахнулся и глазом не успел моргнуть, как топор сам в ствол вонзился. Качнулась осинка и повалилась на землю. Фома к другому дереву подошёл — то же самое: только поднял топор — и уже лежит вековая осинка. И третье дерево без труда свалил.

«Видно, не простой этот отцовский топор,— думает Фома.— Знать, в нём великая сила мастера спрятана. Только как обращаться с ним, не знаю. Что, ежели я попрошу его помочь деду?»

И говорит вслух:

— А ну-ка, ржавый топор, покажи свои умение-силушку, повали-ка деревьев столько, чтобы деду на весь его век хватило.

Вырвался топор из рук, блеснул острым лезвием, только Фома его и видел. Зашумело вокруг, ветер поднялся, и деревья разом повалились. Фома и опомниться не успел, а они уже ровными брёвнышками в ряд лежат. И топор тут на пне, такой же ржавый, каким был.

— Ну, вот тебе, дед, и брёвна, к делу пригожие,— говорит Фома.— За них много денег дадут. Живи себе без горяшка. И не кличь больше смерть себе. Она сама придёт.

— Спасибо,— говорит дед.— Весь свой век лес рублю, а такого лесоруба, как ты, не видывал. Скажи, добрый молодец, далеко ли путь держишь?

— К царю-батюшке иду, царскую дочку сватать,— отвечает Фома.

— Хорошее дело ты задумал,— говорит дед.— А подарок-то царевне припас?

Фома головой качает.

— Не с руки к царю во дворец без подарка являться,— говорит дед.— Невеста о женихе по подарку судит.

Достаёт тут он из-под пня филина деревянного, подаёт Фоме и говорит:

— Возьми, добрый молодец, хорошим подарком будет. Третьего дня в лесу поймал. Не простая деревяшка этот филин, а птичка всезнающая и всевидящая. На все вопросы ответ даёт. Враз тебя царевна заметит.

Взял Фома филина, завернул в платок, к себе в котомку положил.

— Спасибо тебе, дед. Славный подарок. Удивлю царевну.

Попрощался Фома с дедом, котомку за плечи закинул, топор ржавый за пояс заткнул и пошёл себе дальше, в Царь-град.

Идёт Фома день, другой, третий — лапти поскрипывают. И всё лесом да лесом. Видит вдруг, у хатки своей, что у ручья, старый бобёр плачет.

— Ты что, бобёр, слёзы льёшь? — спрашивает Фома.— Иль беда какая с тобой приключилась?

— Худо мне, старому,— отвечает бобёр.— Зубы никудашными стали. Осинки не могу подрубить на плотнику. А в хатке детки малые. Как им без воды?

— Стоит ли горевать из-за этого,— говорит Фома.— В беде твоей мы быстро поможем.

Достал он свой ржавый топор и говорит ему:

— А ну, топор, срубим-срядим бобру плотнику, чтобы он горя не знал, не видывал.

Зазвенел топор, стало быть, делу обрадовался. Куда ржавчина подевалась! Раз, два... И осинки уж лежат, плотника готова. Водой разом наполнилась — от хатки бобровой одна верхушка клинышком виднеется. И бобрята тут как тут. Воде свежей рады. Резвятся. А топор у Фомы снова ржавым, как прежде, стал. Спрятал его Фома привычно за пояс.

Доволен бобёр. Не знает, как Фому отблагодарить. Думал, думал, порылся под кустиком, достал ключик медный и Фоме подаёт:

— Возьми, добрый человек, пригодится. Ключик с виду бесхитростный, а при надобности любую дверь открыть может.

«На что он пригодится?» — подумал Фома, да только не стал бобра обижать, сунул ключик за пазуху и дальше пошёл.

Шагает Фома, торопится. Путь его уж больно долгим становится. Не ровён час, и Яруську за кого другого царь замуж выдаст. Торопится Фома, а лес никак не кончается. Чащобы всё темней становятся. «Не заблудился ли я?» — думает.

Огляделся, видит: избушка на курьих ножках. Еле держится. А у избушки старушка старая-престарая. Руки костлявые, нос ниже подбородка отвис... Забор пытается поправить-приладить, совсем ветхим стал. Да никак это у неё не получается.

Подходит Фома к старушке и говорит:

— Эх, бабка, бабка! Не старушечье дело заборы чинить-латать. Дай-ка я тебе помогу.

Скинул Фома котомку с плеч, рукава засучил, вынул свой ржавый топор из-за пояса и говорит:

— А ну, топор, доброе дело сделаем — забор старой поправим!

Не успел он этого сказать — топор серебром засиял, из рук рвётся. Фома с трудом за ним успеваает. Надрали лыка с липок... Потом жёрдочку за жёрдочкой, кол за колом подтянули, закрепили. Да так ловко, быстро.

Глядит старушка, диву даётся. А как Фома кончил, она и говорит:

— Спасибо тебе, добрый молодец. Совсем худо мне, Бабе Яге, жить на свете стало. Насмехаются над старой, покоя не дают. Лешие забор сломали, весь двор разорили. Управы на них нет.

— Теперь не залезут к тебе лешие, — говорит Фома. — Живи не горюй! А я дальше пойду.

— Постой, добрый молодец! — говорит Баба Яга. — Вот тебе за работу колпак новый, чёрный. Как наденешь его, так сильнее тебя никого не будет. Бери, пригодится.

«У меня и свой не худой, — думает Фома. — Да ладно, угожу бабке — возьму».

Сунул колпак за пазуху, топор ржавый — за пояс и зашагал себе дальше.

Шёл он день, шёл ночь, наконец, вышел из леса и очутился в большом-пребольшом городе, где было столько народу и столько домов, что Фоме никогда не снилось. Это был Царь-град.

Спросил Фома у первого встречного, где государев дворец, и сразу же к царю направился.

Приходит Фома к царю-государю и говорит:

— Ты, царь-батюшка, такие слова говорил, что дочь свою меньшую, Яруську-неслушницу, за бедняка будешь выдавать. Так вот я и есть Фома-бедняк. Пришёл твою дочку сватать.

Засмеялся тут царь-государь и отвечает Фоме:

— Где это видано, где это слыхано, чтобы царская дочь за простого мужика замуж выходила? Шутку я шутил, сказав такое!

А Фома — своё:

— На всё воля царская: и повелевать, и шутку шутить... А мне недосуг с шутками дело иметь. Я сватать твою дочь, царь-государь, пришёл. И подарок уже невесте припас. Да не простой!..

Вытаскивает при этих словах Фома деревянного филина, разворачивает.

Услыхала про подарок Яруська, к Фоме подбежала.

— Покажи свой подарок. Понравится, так и быть, выйду за тебя замуж.

Отдаёт Фома филина Яруске и говорит:

— Не простая деревяшка этот филин, а птичка всевидящая и всезнающая. На все вопросы отвечает. Спрашивай, царевна.

Яруске подарок интересным показался, и задает она филину первый вопрос:

— Угадай-ка, филин-всезнайка, сколько мне лет?

Филин покачал головой, укнул и отвечает:

— Раз, два, три... пять... Осемнадцать.

— Верно,— говорит Яруска.— Славная ты птица. А скажи мне, филин-всезнайка, есть ли на свете девица красивее меня?

Филин отвечает:

— Нет.

— А умнее меня?

— И умнее нет.

— Вот видишь, батюшка,— говорит Яруска царю,— а ты меня глупой называешь. Выдай замуж за Фому. Полюбился он мне, и подарок у него славный.

— И ты, царевна, полюбила меня,— говорит Фома. Царь сердито брови насупил.

— Где это видано, чтобы царская дочь за простого мужика замуж выходила?! Не быть тебе замужем вовек! А филин этот глуп, как глуп его хозяин.

— Сам ты глуп! — отвечает на это филин.

Царь от этих слов аж с места вскочил. Рассердился.

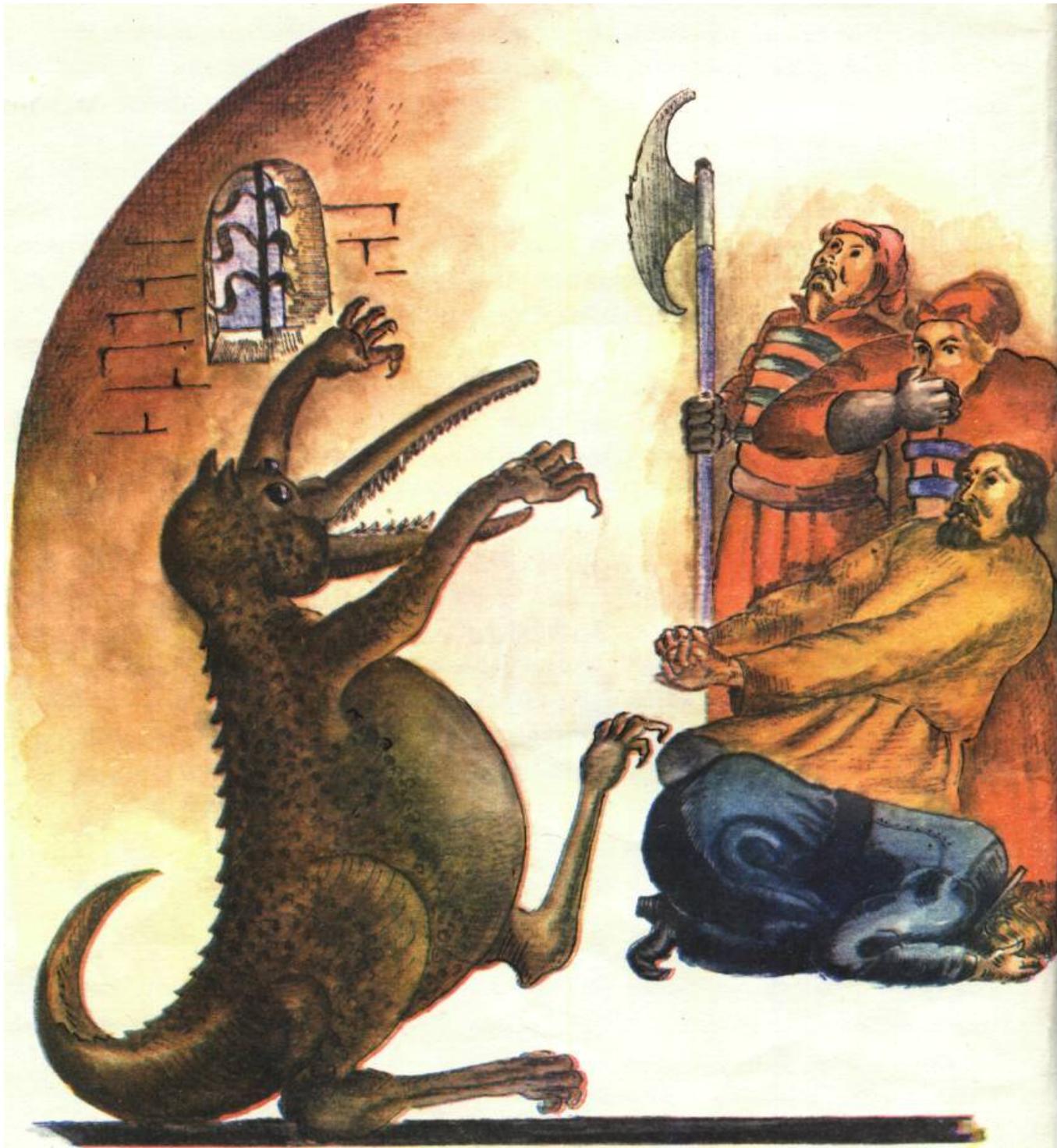
— Стражники! — крикнул он.— В темницу этого негодника! И царевну на замок!

Прибежали стражники с кривыми топорами, схватили Фому и бросили в темницу — в подвал, откуда и крысы сбежали. Стены в нём от сырости плесенью покрылись. А Яруску в почивальне закрыли.

Сидит Фома на каменном полу, горюет. Не выбраться ему. из темницы. А о смерти думать не хочется. Перед глазами царская дочка стоит.

Много ли, мало ли времени прошло, вспомнил Фома про ключик медный, что старый бобёр ему за работу дал. Взял ключик, подошёл к железной двери, вставил его в замочную скважину, повернуть не успел, а дверь вот она — открыта.

— Ну, спасибо тебе, старый бобёр, выручил меня твой подарок!

Вышел Фома за дверь; по лестнице вверх поднялся и вскоре во дворце оказался. Какой двери ни коснётся медным ключиком, та разом открывается. Уж на воле был, да подумал тут: — Что же я, дурень, делаю! За невестой пришёл, а без неё уйду. Как жить без Ярусски буду? И сраму какого на себя накликаю...

Вернулся Фома, к Ярускиной почивальне пробрался, в дверь стучится.

— Выходи, царевна,— говорит,— коль люб я тебе. Вместе выйдем отсюда, вместе жить будем. Верным мужем я тебе стану, никому в обиду не дам.

— Не могу я выйти,— отвечает Яруска.— На семь замков меня стражники закрыли, в окна решётки вставили...

Открыл замки Фома медным ключиком, взял на руки царевну, да только убежать они не смогли. Заметили их стражники, шум подняли, весь дворец переполошили. Дубинками машут, топорами грозятся. Не сносить головы Фоме.

Вспомнил он тут про колпак чёрный, что Баба Яга дала, и слова старой на ум пришли: «Как наденешь этот колпак, так сильнее тебя никого не будет!»

Стащил Фома с головы свой красный колпак, надел чёрный. Глядит, все стражники разом опешили. Чувствует, и с ним самим неладное стало твориться. Глянул на руки, а на них когти выросли. Смотрит на ноги, ног-то нет. Вместо них лапы звериные.

— Да я в чудовище превратился! — ахнул Фома.— Сам испугался. А что про других говорить? Ну и ну! Баба Яга и за добро платит по-своему.

Хотел было скорее чёрный колпак с головы стащить, да понял: не спастись ему по-иному и Ярусски тогда не видать.

Открыл Фома-чудище свою пасть зубастую да как зарычит. Побросали свои кривые топоры стражники и — бежать куда глаза глядят. Царь аж сам в темнице оказался, так далеко спрятался.

А Яруска ничего понять не может: то ли бежать ей от чудища, то ли заодно с ним быть.

Говорит тогда чудище голосом Фомы:

— Не бойся меня, царевна, я сейчас унесу тебя отсюда. Никто не догонит.

Подхватило чудище Яруску, и улетели они в лес дремучий.

Снял там Фома-чудище с головы колпак чёрный и снова в доброго молодца превратился. Ещё краше стал.

Статный, храбрый, удалой.

Узнаёт и не узнаёт его Яруська. В голове у царевны всё запуталось: и стражники, и чудище-страшилище, и лес дремучий, а тут ещё Фома перед нею. Молодец молодцом.

Ахнула Яруська.

Подошла она к нему, оглядела, и верит и не верит глазам своим, потом припала к груди, спрашивает:

— Ты ли это, Фома? Не лгут ли глаза мои?! Страху-то я натерпелась, дрожу как листок осиновый.

— Царевна моя милая,— говорит Фома.— Все страхи твои позади теперь, и бояться нам больше некого. Сами себе стали хозяевами.

— Я рада счастью нашему,— отвечает Яруська.— Но скажи мне, суженый, что мы в лесу дремучем делать будем, и жить-то нам негде, и от зверя дикого, от непогоды скрыться некуда.

— Не надо об этом печалиться, моя красавица,— отвечает Фома.— Это дело мы быстро уладим. Посиди отдохни, царевна, на полянке солнечной, поешь сладку ягоду, веночек сплети из трав шелковистых да цветов душистых, и я покуда поработаю.

Оставил Фома Яруську на полянке солнечной, цветами осыпанной, сам к деревьям вековым подошёл, достал из-за пояса топор ржавый и говорит ему:

— А ну-ка, мой славный топор, сослужи мне еще одну службу — построй нам дворец, да чтоб не хуже царского.

Разжал пальцы Фома, освободил топорище. Сверкнул молнией топор, и тут невиданное, неслыханное случилось. Заскрипел, загудел лес дремучий. Потом деревья разом повалились, сгрудились... И не успели Фома и Яруська опомниться, как уже дворец готов. С окнами резными, куполами золочеными. Лучше царского.

Вошли они во дворец, вскоре свадьбу справили и стали жить-поживать да добра наживать.

Теперь Яруську Яриной Петровной зовут, Фома — Фомой Фомичом стал. А топор-то цел. Только он уже не ржавый вовсе. Инструмент ведь без дела ржавеет, в деле же словно зеркало сиять начинает. А у Фомы Фомича забот много. Семерых сыновей растит. Всех к делу надо приучить. Так вот.

ОГНЕННАЯ ЛАНЬ

Жили недалеко от моря, у подножия высоких гор, молодые муж и жена. Её Вейлой звали, а он Роданом был. Жили дружно, любили друг друга. Счастливыми их называли люди. Да только встала между супругами богатая завистливая женщина — молодая вдова, которая по соседству жила. Захотелось ей чужой радостью порадоваться, чужим счастьем погреться. И решила она во что бы то ни стало разлучить молодых, а коль удастся, самой за Родана замуж выйти. На всякие уловки да хитрости шла, недобрые слухи по деревне пускала — ничто не помогало. И задумала тогда вдова изжить со свету Вейлу.

Взяла она драгоценностей, добра всякого и пошла к морю, к злой колдунье.

Злая колдунья выслушала вдову, приняла подарки и согласилась ей помочь.

— Только изжить совсем её не смогу, — призналась колдунья. — Доброты в ней много, словно от печи теплом веет... Превращу-ка я её в лошадь. У лошадей короткий век, работа их быстро старит.

И попросила злая колдунья молодую вдову, чтобы та принесла уздечку.

Купила вдова на базаре уздечку, принесла злой колдунье, а та подкараулила Вейлу вечером у колодца, накинула на неё уздечку и превратила в лошадь. Дождалась, пока ночь наступит, повела лошадь на базар, а там утром рано и продала её.

Не дождался Родан в тот вечер своей любимой жены. Не пришла Вейла и на следующий день. Места себе он не находит, слёзы глаза застилают, белый свет стал не мил. Не жить ему без любимой жены. И собирается он тогда в путь-дорогу, искать свою Вейлу.

А молодая вдова тут как тут.

— Далеко ли собираешься, Родан,— спрашивает,— не Вейлу ли искать? С другим она убежала. Не нужен ты ей. Женись лучше на мне. Верной женой я тебе буду. Всего у меня полно: и золота, и серебра.

Покачал головой Родан.

— Что верно, то верно, всего у тебя полно: и золота, и серебра. Да, видно, не в богатстве счастье, коль ты его у меня, бедного, ищешь. Не нужна ты мне. Вейлу я свою иду искать. Живую не найду, так хоть могилке поклонюсь.

Положил Родан в котомку краюху хлеба да и пошёл куда глаза глядят.

Долго ли, коротко ли шёл, скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Видит: родничок у подножия холма. Водичка чистая, свежая, так и манит к себе. Подошёл Родан к роднику, на камень сел, краюху хлеба из котомки достал, водички кружкой зачерпнул, перекусил, отдохнул. Хотел было дальше идти, да тут голос за спиной слышит:

— Не сочти за труд, сынок, подай водички испить!

Оглянулся Родан и видит: рядом старик сидит. Весь в белом, и волосы белые, и борода до пояса как снег.

Черпнул Родан кружкой водички, подал старику. Напился старик, поблагодарил Родана и спрашивает:

— Далеко ли путь держишь, молодец? И отчего так печален?

Отвечает старцу Родан:

— Горе горькое в дом ко мне постучалось. Была у меня жена. Вейлой звали. Любили мы друг друга. Жили в мире да согласии. На чужое не зарились, всё честным трудом зарабатывали. Пошла она однажды вечером за водой, да так и не вернулась. Иду вот по белу свету — её ищу. Третьи сапоги истоптал, третий кафтан износил. Кого ни спрошу — никто не видел.

Задумался старик. Долго думал, а потом и говорит:

— Знаю, сынок, где твоя жена любимая. Злая колдунья её в лошадь превратила, а ту лошадь заморскому купцу продала. У того купца и ищи её. В сторону восхода солнца иди и не сворачивай. Прямая у тебя дорога, не заблудишься. Ступай и торопись.

Поблагодарил старика Родан и в сторону восхода пошёл. Мало ли, много ли шёл, где шёл, где ехал, где на челноке плыл, дошёл до купца заморского. Пришёл и спрашивает:

— Скажи, купец заморский, покупал ли ты когда за морем-океаном у старухи одной лошадь?

— Покупал,— отвечает купец.— Славная была. Умнее человека другого. Без слов всё понимала. Жаль только, не долго она мне служила. Постарела скоро. А перед смертью в горы ушла, в ущелье глубокое, где и волки ходить боятся, и птицы не летают. Три дня и три ночи я искал её, нашёл наконец. А нашёл, она как каменная стоит — и жива, и не жива. Поставил я перед ней водицы ведро да овса мешок и оставил с богом. Не помирать же рядом. Да, славная была лошадёнка, всем на диво!

Помрачнел Родан от слов купца заморского. Не видать ему больше Вейлы. И просит он тогда показать, где кости старой лошади лежат.

Привел купец Родана в ущелье, показал кости старой лошади и обратно ушёл. Сел Родан на камень и заплакал. Не было больше его любимой жены, одни кости белые на серых камнях. Собрал он кости в одну кучу, хотел в землю закопать, да рука не поднялась, не хотелось ему верить, что жену свою хоронит. Набрал тогда он сухих веток, костёр разжёл и бросил в огонь кости старой лошади. И тут невиданное, неслыханное случилось. Пламя костра заметалось, заметалось, да так жарко стало вокруг, что камни стали лопаться от жары. Но вскоре жара спала, пламя оторвалось от земли, в кучу скомкалось, потом вытянулось, в сторону метнулось и исчезло. Не стало и костра.

— Спасибо тебе, милый Родан, за то, что ты не забыл меня,— услышал вдруг Родан за спиной голос жены. Оглянулся и застыл от удивления: на высокой скале стояла лань, вся слепленная из огня. От неё веяло жаром, шерсть искрилась. Одно лишь было непонятно, как на огненной голове держалась уздечка из обыкновенной кожи.

— Спасибо тебе, мой милый друг,— ещё раз поблагодарила лань Родана.— Не пугайся, это я, твоя жена Вейла. И если бы не ты, век бы здесь лежать моим косточкам. Спасибо! Домой возвращайся. Я сама приду к тебе. А пока прощай! Гроза надвигается. Боюсь я дождя. Вода погасит мой огонь и превратит меня в мертвый медный слиток. Прощай! А это вот возьми от меня, в дороге пригодится!

Тут лань тряхнула головой — россыпь искр покатила со скалы к ногам Родана.

— До свидания! — крикнула лань и исчезла, сверкнув молнией. А искры так и остались лежать в ногах Родана. Тут дождь хлынул как из ведра. А как он прошёл, Родан увидел, что искры

превратились в монеты. Собрал он их и в обратную дорогу отправился.

Вернулся Родан домой, а завистливая вдова спрашивает с усмешкой:

— Ну что, нашёл ты свою Вейлу?

Промолчал Родан. Не сообразил сразу, что и ответить,— и нашёл он свою Вейлу, и нет.

— Забудь ты её,— снова говорит завистливая вдова.— Женись на мне. Не мучь себя и меня тоже. Счастливее нас никого не будет на свете.

— Нет,— отвечает тут Родан.— Не найти мне рядом с тобой счастья. Уж лучше одному быть, чем жизнь с нелюбимой прожить. А Вейлу свою я нашёл. Жива она. Коль жива, вернётся.

Пришла к себе домой завистливая вдова, а слова Родана не дают покоя. Страшно ей стало: думала она, что Вейлы давно в живых нет. С тех пор глаз не спускает она с Родана — куда он, туда и она.

А Родан каждое утро ранёхонько в горы ходил. Поднимется на самую высокую скалу и по сторонам глядит, не появится ли его жена в своей огненной одежде.

Три недели он ходил. Три недели напрасно звал свою Вейлу. Никто ему не отвечал. Только эхо повторяло:

— Вейла-ла-а-а...

Лишь на четвёртой неделе прискакала огненная лань. Горы засияли вокруг. Тепло стало, словно лето наступило, хотя и пора осенняя стояла на дворе.

А завистливая вдова тем временем за каменным столбом пряталась. Увидела она огненную лань, испугалась, убежать хотела, да любопытство страх победило — решила разузнать, что же дальше будет.

— Прости меня, мой милый Родан,— сказала лань.— Не смогла я раньше прискакать к тебе. Дожди шли ненастные, по пещерам да ущельям пришлось мне прятаться.

Обрадовался Родан, услышав голос жены, хотел к огненной лани приблизиться, да только та в сторону отскочила.

— Не подходи ко мне, Родан,— сказала она печальным голосом,— погубит тебя моя огненная одежда. Видишь, всё вокруг меня горит.

— Уж лучше в огне сгореть, чем жить без тебя одному,— отвечает Родан.— Нечему мне в жизни радоваться, не о ком

заботиться. Ты — вся моя радость, всё моё счастье. Сожги меня, в дым преврати. Дым ведь пламени родня. Буду я рядом с тобой носиться по горам, твоим радостям радоваться, твоими печальми печалиться. Или ты разлюбила меня?

— Не мучь себя, Родан,— говорит огненная лань.— Береги себя. Я верю, что придёт тот день счастливый, когда мы снова будем вместе. Мне бы только тайну колдовства узнать, чтобы одежду огненную снять.

— Чем же я тебе могу помочь, моя добрая Вейла? — спрашивает Родан.

— Не печалься обо мне. Себя береги. Постарел-то ты как! Все волосы седые. Как мне хочется до них дотронуться! Как хочется к твоей груди припасть... Береги себя! А я сама справлюсь со злой колдуньей.

Услыхала эхо завистливая вдова и — бегом к злой колдунье. Прибежала и всё как есть про огненную лань ей рассказала.

Побледнела колдунья, страшно ей стало. Не думала, что это так обернётся. Бегаёт по избёнке своей, из рук всё валится. Успокоилась наконец и говорит:

— Пушу-ка я порчу на Родана. Пусть дома сидит, пусть семь дён ноги у него не ходят. Прискачет к нему чудо огненное, а ты людей подговори, чтобы воды больше припасли и всю воду на неё, огненную, вылили. Как погаснет она — в медный слиток превратится. А не погасят — всю деревню спалит.

Обрадовалась колдунья своей выдумке, засмеялась. Потом зелья намешала да вдове подала. Взяла вдова зелье, пробралась в дом Родана, пока его не было, нашла кувшин с мёдом и добавила зелье в него.

Вернулся Родан домой, выпил из кувшина мёду и утром встать не смог. Ноги словно ватные стали — не держат его.

День ждёт огненная лань Родана — нет его, второй ждёт — не приходит. И на третий день не появился он. Чует её сердце: что-то недоброе случилось. И, забыв обо всём, в деревню поскакала. Прискакала, да только успела приблизиться к своему дому, как сотни людей окружили её, и из десятков вёдер полилась на неё вода. Страх жителей деревни охватил за свои избёнки. Они же не знали и не догадывались, что в огненной одежде перед ними знакомая всем Вейла.

А лани жаль было людей, но и вовсе не хотелось погибать. Не за тем она пришла сюда. Изо всех сил напрягла она свои

стройные ноги и прыгнула так далеко, что уж никто не мог достать.

Одно лишь было теперь в мыслях огненной лани — поскорее отыскать колдунью да от её колдовства избавиться.

Долго она бродила по горам, но нигде не было колдуньи. Наконец лань пришла на берег моря. Волны свирепо бились о скалы. А там, в версте от берега, на пустынном островке стояла избушка злой колдуньи. И лань услышала её довольный смех.

Волны бились всё свирепее и свирепее. Огненная лань приблизилась к воде, и тут её словно бичом хлестнуло по ногам ледящей волной. Ноги её отяжелели. Ещё одна такая волна, другая, и копыта холодной медью засверкают. Отпрыгнула лань в сторону и голову опустила.

Ещё злее захохотала колдунья. Смех её заполнил всю округу. До сердца огненной лани дошёл. И тут она вспомнила про ветер.

— О, ветер! Огня и пламени друг! Помоги мне, жарче раздуй сердца моего огонь! Снеси меня на островок к злой колдунье,— стала просить огненная лань.— Тайну колдовства у неё хочу выпытать, чтобы навсегда сбросить с себя эту огненную одежду.

Сжалился ветер. И засвистело тут вокруг с такою силой, что деревья вековые повалились, огромные покатались в море скалы. А жар огненной лани стал таким горячим, что смотреть — глаза слепнут. Подняло тут её и прямо на остров понесло. Как спичка вспыхнула избушка злой колдуньи. А сама колдунья в воду бросилась, от жары спасаясь. Да только вода её плохо держала.

— Пощади! — застонала злая колдунья.

— Скинь с меня огненную одежду, жить останешься,— сказала лань.

— Я не могу,— захлебываясь, призналась злая колдунья.— Не в силах я. Кто снимет с тебя уздечку, тот снимет и огненную шкуру. Пощади!

— Ладно,— сказала лань,— так и быть, пожалею. Но запомни: умрёшь от первого же своего злодеяния. Прощай!

Поднялся снова ветер, и лань, сверкнув молнией, исчезла. А злая колдунья выползла на остров, упала ничком на ещё тёплые камни и завывала. Вся её злость с этого времени была направлена только против неё самой.

Прошли семь дней. Встал на ноги Родан и сразу же в горы направился. Ждала его огненная лань. Как никогда ждала.

— Родан,— сказала она печальным голосом,— видно, не быть нам вместе никогда. Узнала я тайну колдовства — кто снимет с меня уздечку, тот снимет и огненную одежду. Только кто сможет подойти ко мне такой, коль от огня моего камни плавятся? Прости меня, мой милый Родан, я должна уйти.

— Постой! — закричал Родан.— Я сниму с тебя уздечку.

Сказал это Родан, прикрыл глаза рукавом и направился к огненной лани. Вот уже обуглились на нём седые волосы,

— Что ты делаешь? Ты же погибнешь! — крикнула лань и отскочила в сторону.— Не снять тебе уздечки.

Тогда подняла она глаза к небу и обратилась к солнцу:

— О, солнышко доброе, уступи — отведи свои лучи в сторону. А вы, тучи холодные, водой напоённые, сгуститесь надо мной! Полейся, дождь, как из ведра, погаси огонь моего тела.

Услыхало солнышко, отвело свои лучи в сторону, тучи сгустились, молния сверкнула, и дождь полил как из ведра. Застыла лань. Перестала шерсть её огнём искриться, холодной медью глаза уж сверкнули...

Понял Родан, что погибает огненная лань, кафтан свой снял и накрыл им остывающую лань. Потом снял уздечку. И тут чудо великое приключилось — растаяла лань, а вместо неё Вейла появилась.

Не поверил глазам Родан, увидев жену свою любимую.

Не было слов у Родана. От счастья они в груди растаяли. Подошёл он к жене и опустился перед ней на колени.

Не описать словами радости их встречи. Давно уже дождь прошёл и синяя ночь окутала седые горы, а Родан и Вейла всё стояли и не могли двинуться с места. Им казалось, что если хоть на миг отпустят руки друг друга, то снова расстанутся.

Лишь к утру счастливые Родан и Вейла вернулись к себе домой. Увидала их завистливая вдова да поскорее опять к злой колдунье бежать. Но только зря время потратила — не было колдуньи: захотела позлыдничать, от того и умерла.

Узнала о смерти колдуньи завистливая вдова, страшно ей стало — вдруг придётся за зло расплачиваться. И уехала куда-то. Так никто и не знает, где она.

А Родан и Вейла стали жить как прежде, радостно и счастливо. Жили долго. Детей вырастили, внуков вынянчили.

Давно это было. Но до сих пор в той деревне помнят про огненную лань. А коль свадьба, так знай: молодым маленькую лань из блестящей медяшки дарят. Как знак любви и верности.

ЧУДО-ВЕРЕТЕНЦЕ

Вернулся солдат со службы домой. Двадцать пять лет он служил царю-государю верой и правдой. Вернулся, а к дому уж давным-давно тропинка заросла. Избёнка вся скосбочилась, того и гляди её ветром сдует. Не дождались старики возвращения сына.

Погоревал, погоревал солдат, да что делать, надобно всё заново начинать. Залатал избёнку, городьбу поставил, огород вспахал-посеял. Ожил заброшенный двор.

Год живёт солдат, другой. Хозяйство уж у него доброе, справное. «О хозяйке бы надо подумать,— толкуют соседи солдату.— Аль в округе красавицы перевелись?»

А он и сам об этом не раз уж думал. Какое хозяйство без хозяйки? Да вот беда, ни к одной из красавиц душа не лежит. Вроде бы и с виду ладные, и характером добрые, да не хватает в них чего-то. Подумает, подумает солдат и отложит со свадьбой.

Однажды вечером он вернулся домой поздно, усталый. Жаркая пора на дворе стояла — сенокосная... Глядит и глазам своим не верит — в светёлке у него огонь горит.

Заходит в избу, а там всё чисто, прибрано. Глянь: на скамье у окна девка сидит. Нарядная, на щеках румянец. Солдат поздоровался — молчит девка. Спрашивает: откуда, чья? Нет ответа. «Надобно чего?» — опять молчание.

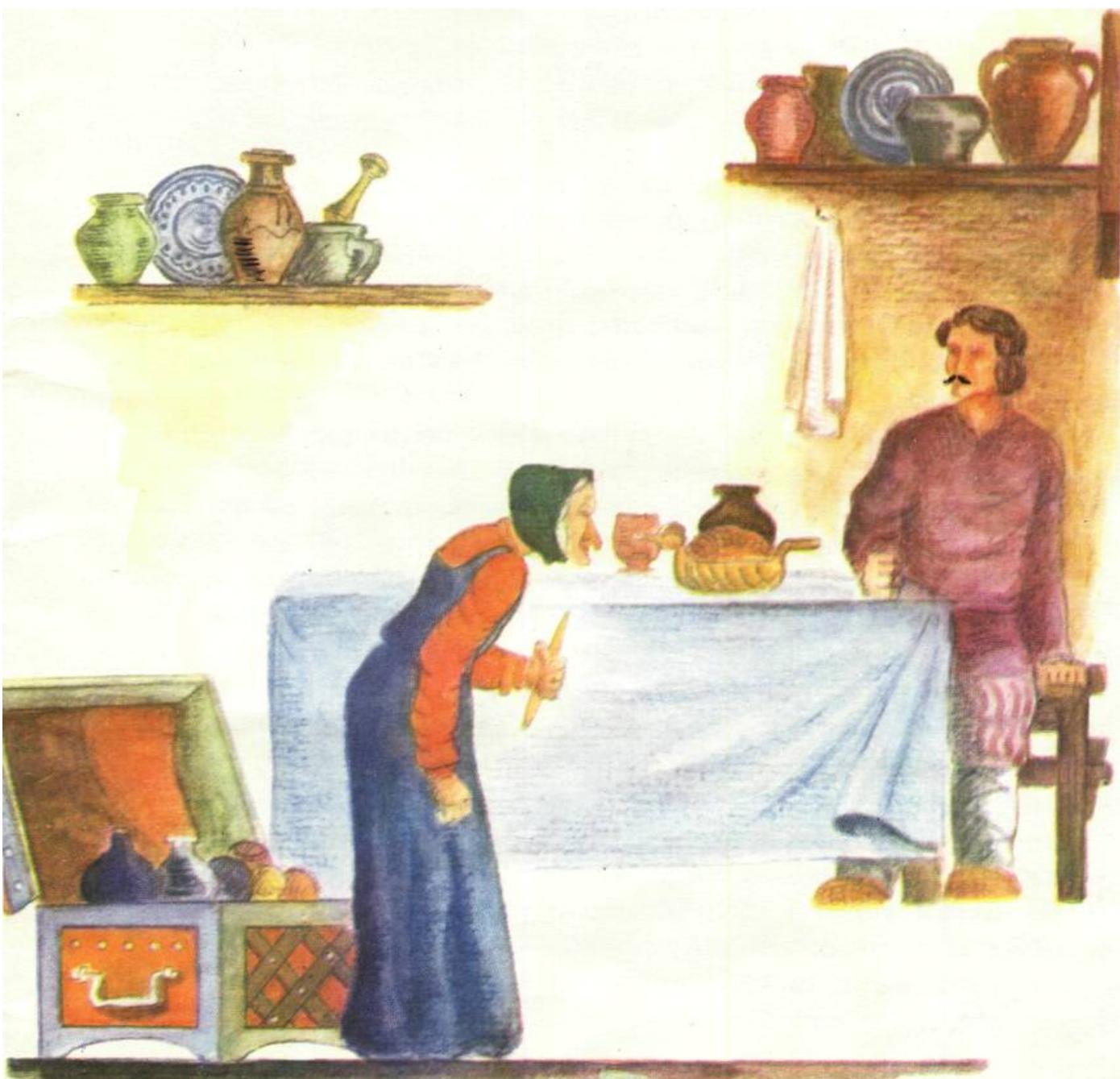
— Чудеса, да и только! — удивился солдат.— И что же мне с тобой делать прикажешь?.. Ладно, коль не хочешь говорить, не надо. Давай тогда умыться приготовь да на стол накрой, коль хозяйничать взялась.

Встала девка, на стол накрыла, в кувшин воды налила, полотенце подала.

Умылся солдат.

— Спасибо,— говорит и просит: — Сослужи-ка ещё одну службу, красавица. Пооди из сундука рубаху посвежее принеси, да не забудь за пружинку, что с боку, дёрнуть, а то не откроется.

Только он успел сказать это, девка так и метнулась его желание исполнять. Ждёт солдат минуту, другую, третью — что-то запропастилась красавица. Следом пошёл. Смотрит, а та в сундуке возится, торопится. Всё вверх дном перевернула. А сундук большой, вдвоём можно спрятаться.

Пригляделся тут солдат, а из-под платья у девки нога костлявая старушечья выглядывает. Сообразил, что ведьма к нему в гости пожаловала. И про ужин забыл, притих, ждёт, что дальше будет. А девка всё в сундуке орудует — куда рубахи, куда портки летят. Совсем забылась, вся в сундуке оказалась.

«Ну, — думает солдат, — не за тем, чтобы услужить, ты ко мне явилась, старая...»

Подошёл к сундуку и — хлоп крышку. Девка-то опомнилась, что её в сундуке закрыли, да такой крик подняла, хоть уши затыкай!

— Ну что, старая карга, появился голос? — спросил солдат. — Говори, ведьма, зачем пожаловала?

— Выпусти, ск"ажу, — послышалось из сундука.

— Нет уж, — отвечает солдат. — Ты говори сначала, а там поглядим, что с тобой делать, то ли по реке пустить, то ли собак натравить.

— Открывай, — закашляла в сундуке. — Стара я стала от собак бегать да по реке плавать. Открой, скажу. Только взамен отдашь одну безделушку.

«Стала бы ты, ведьма, за безделушкой в сундук лезть, о страхе забыв», — подумал солдат, а вслух говорит:

— Безделушек вроде бы у себя я не держу. Да ладно, вылезай, сказывай!

Открыл сундук — ни девки румяной, ни нарядов. Старуха в лохмотьях оттуда вылезла.

Удивился солдат, головой качает. Всякое видал, но с ведьмой не приходилось встречаться.

А ведьма в руке ларчик держит. Дед солдата его мастерил.

— Слыхала я, в этом ларце колечко непростое спрятано, — заговорила она. — Покрутишь его, и, что тебе надобно, исполнится. Да только нет колечка.

— Жаль, — сказал солдат и спросил: — Так какую тебе безделушку нужно?

— Безделушку-то? — отвечает ведьма. — Веретёнце вот...

Держит она его в руке, а сама вся трясётся. Солдат взял веретёнце, покрутил и говорит:

— Горазда ты на выдумки, старая, да не перехитришь меня. Похлеще тебя видывал. Ты лучше скажи, что с ним делать будешь?

— Ничего не скажу, — проворчала ведьма. — Всё одно тебе от него проку не будет. Никто прясть им не сможет.

Сказала это ведьма и завертелась, завертелась на одном месте так, что в доме ветер поднялся, окна распахнулись. Потом она как засвистит и вылетела в окно.

— Чудеса, да и только! — удивился солдат. Закрыв окно, стал разглядывать веретёнце. Глядел, глядел, да так ничего особенного в нём и не разглядел. Веретёнце как веретёнце, кленовое, видно.

На другой день, хоть это дело и не мужское, солдат взялся прясть. Крутит, вертит, а веретёнце как полено — не крутится, и всё. Из рук вырывается. Посмеялся он тут над собой: «Взялся я, дурень, не за своё дело! Где это видано, чтобы мужики за прялкой сидели?», — да и отложил веретёнце в сторону.

Но неймётся солдату. Пошёл к соседке.

— Соседушка, — говорит, — ты на все руки мастерица, учиться я к тебе пришёл. Ко всему я в жизни приоровился: и пахать, и блины печь, и заплату наложить, а вот пряжу прясть так и не могу.

Засмеялась соседка.

— Жениться тебе, служивый, надо, — говорит в ответ.

Солдат тоже улыбается.

— Жениться — дело нужное, да вот не знаю, насколько скорое»

— Так уж и быть, научу, — согласилась соседка. — Возьмешь вдруг жену-неумеху, что делать будешь? А так, глянь, сам спрядёшь, аль научишь.

— А я вот и веретёнце с собой прихватил, — говорит солдат и подает соседке непослушное веретёнце.

Взяла соседка его, раз крутанула, другой, третий, а веретёнце опять как полено — не слушается, да и всё тут. И так, и сяк пробовала — ни в какую.

— Да что это? Видно, прясть я разучилась? — удивилась мастерица. Взяла своё веретено, круть, верть, да так ловко! — Гляди, солдат, учись!

А солдату уж и наука не нужна. Знать, правду сказала ведьма, не будет от этого веретёнца проку, коль такая мастерица, как соседка, не смогла на нём ни вершочка спрясть.

Ничего не поделаешь. Ушёл он от соседки, а веретёнце не даёт покоя. Ещё к одной соседке ходил, и та ни вершочка не спряла. И у третьей побывал, и всё без толку. Думал, думал и решил так: какая из красавиц спрядёт на непослушном веретёнце пряжи на аршин холста, на той он и женится.

Долго ходило веретёнце по рукам, да так и вернулось обратно, так и не смог никто на нём прясть.

Огорчился солдат. «Видно, мне век вековать бобылём». Взял веретёнце и в стену, в щёлочку острым концом воткнул. «Польза хоть будет — шапку можно повесить».

Только это он сделал, забегает к нему девчушка длинноногая, худенькая, годков-то уж ей шестнадцать скоро, а сама с виду ребёнок, да и только. Линкой звали девчонку. Жила она через дорогу. Вернее сказать, и не жила, а мыкалась с бабкой: ношу сиротскую несла. А к солдату зашла — башмачок принесла починить: каблучок прибить. У солдата и своих дел полно, но Линке никогда не отказывал.

Сидит солдат, гвоздики заколачивает в башмачок, а Линка порядок в избе наводит. Заботливая, минутки без дела не посидит. Тут она и заметила в стене веретёнце. Взяла в руки, вертит, разглядывает.

— Какое хорошенькое! — не нарадуется.— А у меня какое-то кривое... Дядя солдат, можно, я попряду на нём?

— Пряди, пряди! — сказал солдат, улыбнулся. — Как себе нарядёшь, так и мне на носочки — тоже.

Стало быть, так пошутил.

А Линка села на скамью, взяла в руки веретёнце, представила, будто прядёт, и запела:

Чудо-веретёнце,
Вертись, вертись, вертись!
Тоненькая шёрстка,
Прядись, прядись, прядись!

Завертелось тут веретёнце, как волчок, засияло на солнышке, словно из золота сделано, и мигом пряжей из тонкой шерсти наполнилось.

— Дядя солдат! Дядя солдат! — кричит Линка.— А веретенце-то у тебя не простое, волшебное! Глянь, сколько я нарядила!

Удивился солдат, а виду не подал.

— Молодец ты, Линка! — сказал он.— Веретёнце, и вправду, у меня не простое, да только никого не слушалось, а тебя вот послушалось.— Вздыхнул: — Жениться я обещал на той, в чьих руках веретёнце прасть будет. Да, видно, не судьба. Молоденькая ты ещё, Линка.

— А я скоро подрасту,— весело говорит Линка.

Солдат улыбается.

— Ну, конечно, подрастёшь! А пока, так уж и быть, пряди себе на наряды. Тебя веретёнце слушается, тебе и служить должно. Бери его себе. Трудись да радуйся. Но не жадничай. Жадность покуда людей не красила. И туфельку бери. Готовенькая — как новенькая.

— Спасибо,— говорит Линка и спрашивает:— Дядя солдат, а веретёнце шёлковую пряжу прядёт?

— Не знаю,— отвечает солдат,— коль непростое, знать, и шёлк прядёт. А ты попробуй!

Смотала Линка с веретёнца пряжу в клубок, подкрутила его пальчиками и запела:

Чудо-веретёнце,
Вертись, вертись, вертись!
Шёлковая пряжа,
Прядись, прядись, прядись!

Завертелось веретёнце как волчок, засияло, словно золотое, и мигом пряжей шёлковой наполнилось.

Глядит солдат и глазам своим не верит. А Линка уж пряжу в клубок мотает.

— Вот, дядя солдат, и на рубаху тебе готово.

— Куда уж мне в шелка одеваться! — говорит солдат.— Себе бери, соткёшь да платье сошьёшь. А мне уж что попроще.

— А я сейчас и что попроще' спряду,— сказала это Линка, подкрутила пальчиками веретёнце и запела:

Чудо-веретёнце,
Вертись, вертись, вертись!
Тоненький леночек,
Прядись, прядись, прядись!

Завертелось веретёнце как волчок, засияло, словно золотое, и мигом пряжей наполнилось.

— Ну спасибо, — говорит солдат.— Знать, скоро в новой рубахе щеголять буду.

С тех пор веретёнце к Линке перебралось. Напряла она пряжи разной, полотно наткала. Что себе оставила, что на базар отнесла. Из нужды с бабкой выбились. Нарядов себе нашла. Не узнать длинноногую Линку. Повзрослела. Красавицей стала на заглядение всем. И про солдата не забыла. Рубах ему нашла, чулок, варежек навязала.

Год проходит, другой идёт. Шила в мешке не утаишь и на чудеса замков не навешаешь. Узнали люди, что Линке чудо-веретёнце помогает, приходиться стали к ней, кто добром просить, а кто из зависти. Никому не отказывала Линка. Всем помогала.

Прослышал о чудо-веретёнце и богатый жадный барин. За сто вёрст приехал разузнать, чтоб веретёнце к своим рукам прибрать. Хоть и ломались его амбары от добра, а богатому ведь всё мало.

Пришёл жадный барин к Линке ну и давай её уговаривать с собой ехать. Всего всякого наобещал: и дворцы, и наряды царевны. Жениться даже обещал.

Отказалась Линка. Уехал жадный барин ни с чем. Но не просто жадному успокоиться. Хочется ему иметь чудо-веретёнце, да и всё! Тогда послал он своих слуг к дому Линки, подкараулили те под окном, как Линка прясть стала, зашли в избу, связали её и увезли вместе с веретёнцем.

Никто и не видел.

Привезли её к жадному барину, а тот и говорит:
— Не хотела добром ехать, силой заставлю на себя работать. Знай: нет вокруг сильнее меня, нет богаче.

А Линка на это отвечает:

— Не заставишь ты меня силой на себя работать, барин. Умру лучше, а не буду.

— Будешь! — сказал жадный барин, а сам от злости весь затрясся.— Слуги! В подвал её! И вертушку вместе с ней! Пока не нарядит пять пудов пряжи шёлковой, ни пить ни есть не давать.

Бросили Линку в темницу — света белого не видно. Сидит она на холодном полу, в руке веретёнце держит и плачет. Кто теперь ей поможет?

Проходит день, другой — не прядёт веретёнце. И на третий день не хочет Линка на жадного барина работать.

Видит барин, не сломить упрямства её голодом. Позвал он самого хитрого слугу и спрашивает:

— Скажи мне, хитрый слуга, что мне с упрямой девкой делать? Голодом морить — проку нет. А надобно, чтобы веретёнце пряжу пряло.

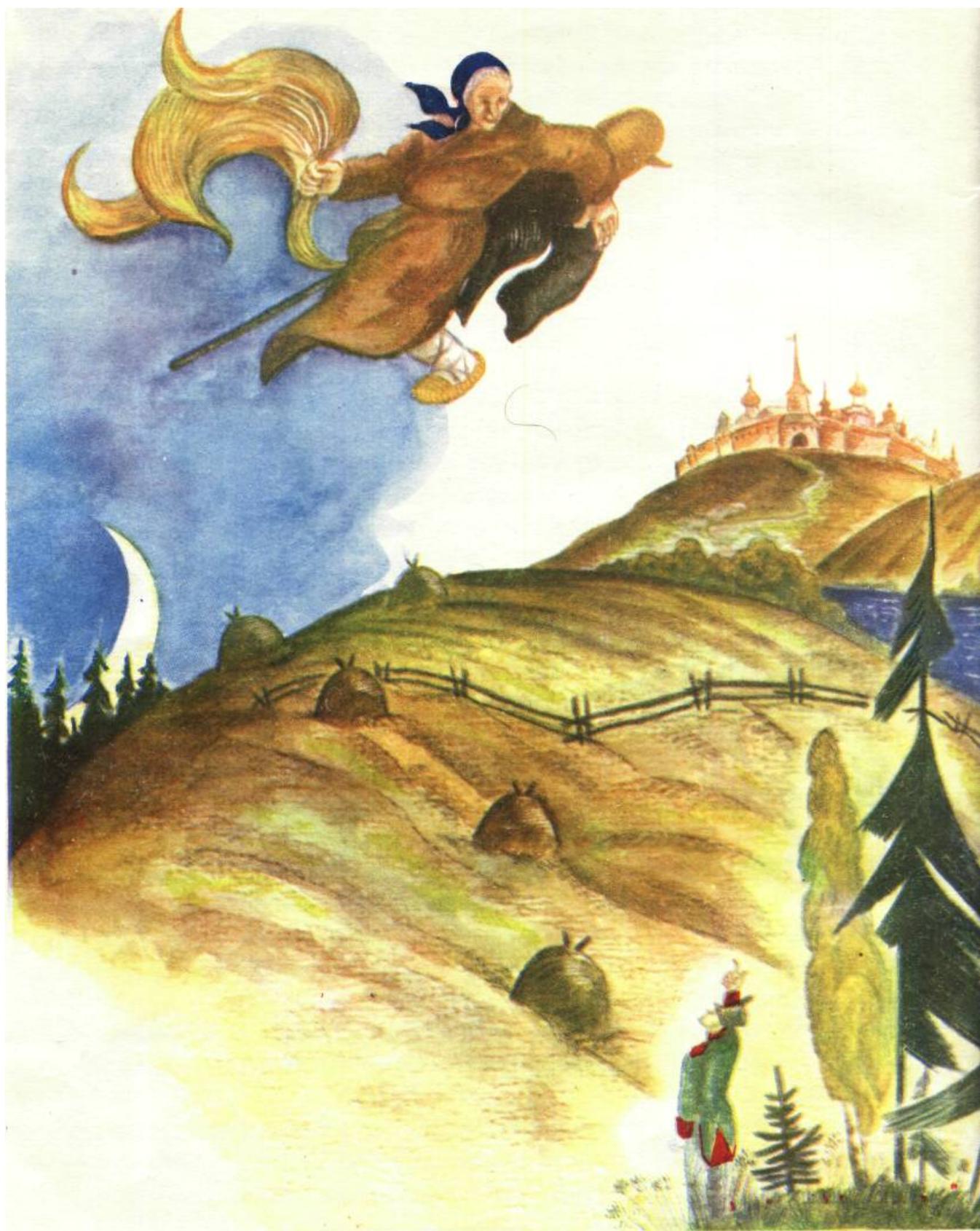
Подумал хитрый слуга и говорит:

— Слышал я, что все чудные вещи тайными словами в дело пускаются. Вот кабы те слова нам у девки по-хитрому выпытать... Тогда и веретёнце прясть будет.

Похвалил жадный барин хитрого слугу и сразу же к Линке в темницу направился. Взял он её за руку да во дворец повёл. А там её в лучшие наряды нарядили, за стол посадили и всевозможными кушаниями стали угощать, о каких она и мечтать не мечтала.

Линка только диву даётся — что с жадным баринком приключилось.

После обеда вкусного жадный барин стал просить Линку

показать, как чудо-веретёнце прядёт. Линка отказывается, а жадный барин не унимается. Слова разные добрые не жалеет:

— Не из жадности позарился я на твоё веретёнце,— говорит.— Глянь, всего у меня полным-полно: и золота, и шелков, и бархата. Чуду подивиться захотелось и вокруг всех подивить.

Поверила Линка словам жадного барина и спрашивает:

— А коль покажу, отпустишь ты меня домой?

— Отпущу,— пообещал жадный барин.— Поживёшь у меня недельку, подивишь всех чудом-дивом, сам тебя на тройке отвезу.

— И веретёнце отдашь? — спрашивает Линка.

— И веретёнце отдам.

— Так уж и быть, покажу,— согласилась Линка, села на стульчик, крутнула веретёнце и запела:

Чудо-веретёнце,
Вертись, вертись, вертись!
Пряжа пуховая,
Прядись, прядись, прядись!

Завертелось веретёнце как волчок, засияло, словно из золота сделано, раз — и пряжи на нём полно.

— Ах, какое чудо! Ах, какое диво! — всплеснул руками жадный барин.

Смотала Линка пряжу в клубок, а жадный барин взял веретёнце, разглядывает да всё удивляется:

— Ах, какое чудо! Ах, какое диво! А ну-ка и я попробую... Сказал это жадный барин и запел Линкину песенку:

Чудо-веретёнце,
Вертись, вертись, вертись.
Пряжа пуховая,
Прядись, прядись, прядись.

Голос у барина грубый, хриплый, таким только детей пугать. Не послушалось веретёнце барина, не стало прядь пряжу для жадного.

Он второй раз напел песенку, третий... Так и эдак крутит веретёнце, а оно не прядёт, и всё тут...

Догадалась Линка, о чём помышлял барин, и говорит: — Обмануть меня хотел, думал хитростью заставить веретёнце на себя работать? Не всё можно заставить силой, не всё можно золотом да обманом купить.

Пуще прежнего разозлился жадный барин.

— Будешь прясть пряжу добром? — Линку спрашивает.

— Не буду! — отвечает Линка.

Бросил тогда веретёнце на пол жадный барин и слугам крикнул:

— В подвал её обратно! И крыс туда побольше! Будешь у меня работать! Будешь!

Одели Линку снова в лохмотья и в темницу бросили. Плачет она, солдата вспоминает.

А солдат тем временем места себе не находит. Не о чудо-веретёнце его забота, а Линка покоя не даёт. Полюбилась она ему, за заботливость, за простоту полюбилась.

Вынул он снова из сундука мундир свой старый солдатский, сапоги начистил, переоделся, подтянулся. Сделал десять шагов вперёд. Ать-два! Ать-два! Потом назад... Кругом повернулся, в зеркало посмотрел, спросил сам себя: «Что, служивый, не стар ещё в мундире щеголять?.. — Повертелся, покрутился и сам же себе ответил: — Никак нет-с!»

Закинул ранец за спину, на дверь избы замок повесил и пошёл свою Линку искать.

День идёт, другой идёт, на третий на широкую столбовую дорогу вышел.

— Здорово, служивый! — вдруг слышит голос. Огляделся — никого вокруг, поднял голову, а над ним на страшном пугале, какие в огороде ставят, чтобы птицы просо не клевали, старая знакомая ведьма по воздуху скачет. Пугало тыквенной головой качает, пустыми рукавами машет, хвостом-веником виляет, да ещё фырчит как лошадь.

— Здравия желаю! — отвечает солдат, а сам головой качает, удивляется: такого ещё ему не приходилось видеть. — Ловка же ты на выдумки, старая!

А ведьма смеётся:

— Кхе! Кхе! Кхе! Ну что, служивый, говорила я тебе, не будет прбку от веретёнца. И теперь зря торопишься. Всё равно раньше меня не успеешь. Кхе! Кхе! У жадного барина в темнице твоя Линка со своим веретёнцем. Догоняй, служивый!

— Не обманешь, старая,— не поверил солдат.

— Хочешь — верь, хочешь — нет, только за семью замками Линка твоя,— ответила ведьма.—г- Мне давеча сорока-белобока эту новость принесла. А уж она-то всё точно всегда знает. Твоё дело, служивый. А я туда лечу. Теперь-то уж своё ни за что не упусти!..

Ударил ведьма пугало по боку. Оно ещё громче зафырчало и пошло кругами летать. Головой трясёт, хвостом машет, того и гляди развалится. А ведьма всё погоняет.

Посмеяться бы солдату, да не до смеха — Линка в неволе, значит, торопиться надо.

Задумался солдат. Коль правду ведьма говорит, то трудно ему с жадным барином одному справиться, трудно Линку освободить. Да и старую раньше себя пускать не следует. Тут без хитрости никак не обойтись. Подумал, подумал и говорит:

— Куда уж мне за тобой угнаться... Вон какая у тебя славная «лошадёнка»! Только и тебе, старая, веретёнца не видать. Погляди, ранец у меня за спиной — в нём и веретёнце лежит.

Снова смеётся ведьма, один-единственный зуб показывает.

— Ловко ты врёшь, служивый! Только тебя слушай.

— Что мне врать? — отвечает солдат.— Коль всё знаешь, скажи, много ли Линка жадному барину пряжи напярала? А! Думать надо. Веретёнце-то у неё обыкновенное! А много ли на нём напяралось? В ранце у меня чудо-веретёнце. Каков был бы я солдат, отдай барину его! Хочешь верь, хочешь не верь.

— Показывай, коль не врёшь,— просит ведьма.

Солдат отказывается: показывать ему нечего. Все это он ведь выдумал, чтобы ведьму перехитрить.

— Не время мне с тобой пустые разговоры вести. Спешу я. И ты кати на своём пугале! Не то я ему хвост выдеру да этим хвостом — тебя, старую, чтобы народ честной не смешила!

Пробубнила что-то себе под нос ведьма, ударила пугало по боку и улетела. *

— Кати, кати! Да пошибче! — крикнул ей вслед солдат, а сам думает: «Только ты никуда не укажишь, вернёшься».

Так и случилось, как солдат подумал. Поверила ведьма словам солдата, что чудо-веретёнце у него в ранце находится. Едва ночь наступила, она тут как тут. Ждёт: как солдат спать уляжется, она ранец к своим рукам и приберёт. Но у солдата сон чуткий. Только ведьма за ранец, а он: — «Стой! Кто здесь?»

Ведьма сразу и в кусты.

И во вторую ночь то же самое приключилось. Надоело солдату с ведьмой возиться — ночи не спать, завернул тогда он к реке, поймал большого рака и на следующую ночь, как спать ложиться, сунул его в ранец, а ранец не под голову, а рядом положил.

Пришла ведьма ночью, обрадовалась — ранец рядом с солдатом. Сунула руку в него, чтобы веретёнце достать, и тут рак её за руку цап!

Крик такой ведьма подняла...

Солдат на ноги вскочил, отряхнулся, огляделся.

— Что за шум? — спрашивает.

А ведьма — солдату:

— Убери скорее этого костлявого беса!

Солдат смеётся, головой качает.

— Аи как нехорошо к чужому руки протягивать! Детей за это ругают, а ты, старая, совсем стыд потеряла.

— Не тебе меня учить совести, — бубнит ведьма и всё пытается от клешней костлявого освободиться.

— И то верно, — вздохнув, сказал солдат и помог ведьме от рака избавиться. — Не мне тебя учить, коль жизнь тебя не научила. И для чего тебе так нужно веретёнце, старая, ума не приложу?

— Не простое же оно, волшебное. А кому волшебное не нужно?

Улыбнулся солдат и говорит:

— А хочешь, я тебе чудо-веретёнце сам подарю? Коль можешь мне Линку из темницы вызволить.

— Так я и поверила тебе! — проворчала ведьма и уходить собралась.

— Не веришь, так не надо, — говорит солдат. — А за чудо-веретёнце мне любой поможет.

— А ежели обманешь? — спрашивает ведьма.

Солдат по струнке вытянулся.

— С места мне не сойти, коль от слова своего откажусь. Отдам я тебе чудо-веретёнце, как только Линку освобожу.

Хочется ведьме чудо-веретёнце иметь — на всё согласна. Спрашивает солдата:

— Как же я тебе помогу девку твою освободить?

Подумал, подумал солдат и говорит:

— Слыхал я, что ты быстрее ветра можешь летать.

— Коль слышал, знать, правда, — отвечает ведьма.— Только для этого мне надобно в ворону превратиться.

И не успел солдат слова сказать, как ведьма захлопала руками, как крыльями, закаркала и в ворону превратилась.

— Ну как? — спрашивает ворона-ведьма.

— Чудеса, да и только! — отвечает солдат и просит ворону: — А теперь ближе подойди, я скажу тебе, что делать нужно будет.

Села ворона солдату на плечо, и тот ей всё, что задумал, шепотом, чтобы никто не слышал, рассказал. Обрадовалась ворона, закаркала, крыльями захлопала и полетела. И пугало ненужным стало.

Солдат снова ранец за плечи закинул и следом за вороной зашагал. Много ли, мало ли шёл, пришёл наконец ко дворцу жадного барина. Ворона-ведьма уж на воротах сидит, солдата дожидается. Постучал в ворота солдат, сам жадный барин вышел открывать, что надо солдату, спрашивает, дело ли ищет, или от дела лытает?

— Рад бы полытать, да не лытается,— отвечает солдат жадному барину.— Не успеешь одно кончить, другое дожидается... Вот и к тебе по делу завернул. Слышал я, барин, как-то, что у тебя чудо-веретёнце есть, да прясть его никто заставить не может. Коль пожелаешь, я помогу...

Обрадовался жадный барин, наконец-то веретёнце прясть будет. Пригласил солдата к себе во дворец. Накормил, напоил, передохнуть дал, а потом и говорит:

— Ну, теперь, солдат, за дело пора браться. Коль веретёнце пряжу прясть будет, награжу тебя, а коль не будет, на себя пеняй — в темнице будешь крыс кормить.

— На все твоя воля, барин,— отвечает солдат.— Так где же веретёнце чудное, дивное?

Послал жадный барин слуг в подвал, взяли те у Линки веретёнце и солдату принесли. Повертел солдат веретёнце перед глазами и говорит:

— Дивное веретёнце, чудное! А где же хозяйюшка у него? Слышал я, барин, что веретёнце-то с хозяйюшкой у тебя.

Поморщился жадный барин, вовсе ему не хотелось солдату Линку показывать.

— Нет никакой хозяйки у веретёнца! — отвечает.— Я хозяин ему. Коль сможешь веретёнце работать заставить, заставляй, а нет, так слуги мои тебя быстро в подвал отведут!

— Не спеши, барин, грозиться,— отвечает на это солдат.— И сильнее тебя на свете есть. Вот возьму и доложу царю-государю, что ты чудеса у себя прячешь. А царь строгий, пощады не выпросишь...

Засмеялся жадный барин.

— Чтоб царю доложить, тебе отсюда уйти надобно, солдат бестолковый! А живым я не выпущу тебя.

— А я и уходить не собираюсь,— сказал солдат, к окну подошёл, открыл его. Ворона только этого и ждала. Влетела,, солдату на плечо села и каркает.

А солдат вороне говорит:

— Ну что, старая, будем царю-государю о жадном барине говорить?

Ворона в ответ:

— Кар! Кар! Будем! Будем! Как не будем?..

Покаркала и вылетела в окно. Испугался жадный барин. Царь всему голова. Что решит, то и будет. А что он решит, никому не известно. Видно, уж не похвалит за веретёнце.

— Не "доноси царю, — просит жадный барин.— Так и быть, сейчас приведут хозяйку веретёнца.

Подошёл тогда к окну солдат и ворону обратно позвал. Вернулась ворона, села на плечо солдату и ждёт, что дальше ей прикажут.

Привели слуги жадного барина Линку. Солдат и узнаёт, и не узнаёт её. Вся в лохмотьях, худющая, как тростинка, одни глаза светятся. Линка сразу признала солдата, хотела было к нему кинуться, да он дал знак, чтобы не выдавала. Разглядел солдат Линку и говорит жадному барину:

— Нехорошо ты, барин, с хозяйкой веретёнца поступил, нехорошо! А хочешь, чтобы оно пряжу пряло?

Жадный барин оправдываться стал. Да солдату некогда его слушать. Сажает он свою Линку на стульчик, даёт ей веретёнце и говорит:

— А ну-ка, красавица, подиви нас чудом-дивом своим, спряди-ка пряжу, да что покрепче!

Посмотрела Линка в глаза солдату, всё поняла. Улыбнулась, взяла веретёнце, крутнула его пальчиками и запела:

Чудо-веретёнце!

Вертись, вертись, вертись!

Суровая пряжа,
Прядись, прядись, прядись!

Завертелось тут веретёнце как волчок, засияло, словно из золота сделано, и мигом пряжей суровой, крепкой наполнилось.

— Ну вот, барин, и заработало веретёнце! — говорит солдат. — Ты пряди много хотел, так получай её. Спой ещё раз свою песенку, красавица! Пусть веретёнце три дня прядёт.

И Линка снова запела:

Чудо-веретёнце!
Три дня вертись, вертись!
Суровая пряжа,
Прядись, прядись, прядись!

Завертелось веретёнце — из рук вырывается. Взял его тут солдат, вороне отдаёт и говорит:

— А ну-ка, ворона, разматывай пряжу для жадного барина, да так, как я тебе говорил. Как размотаешь — твоё веретёнце!

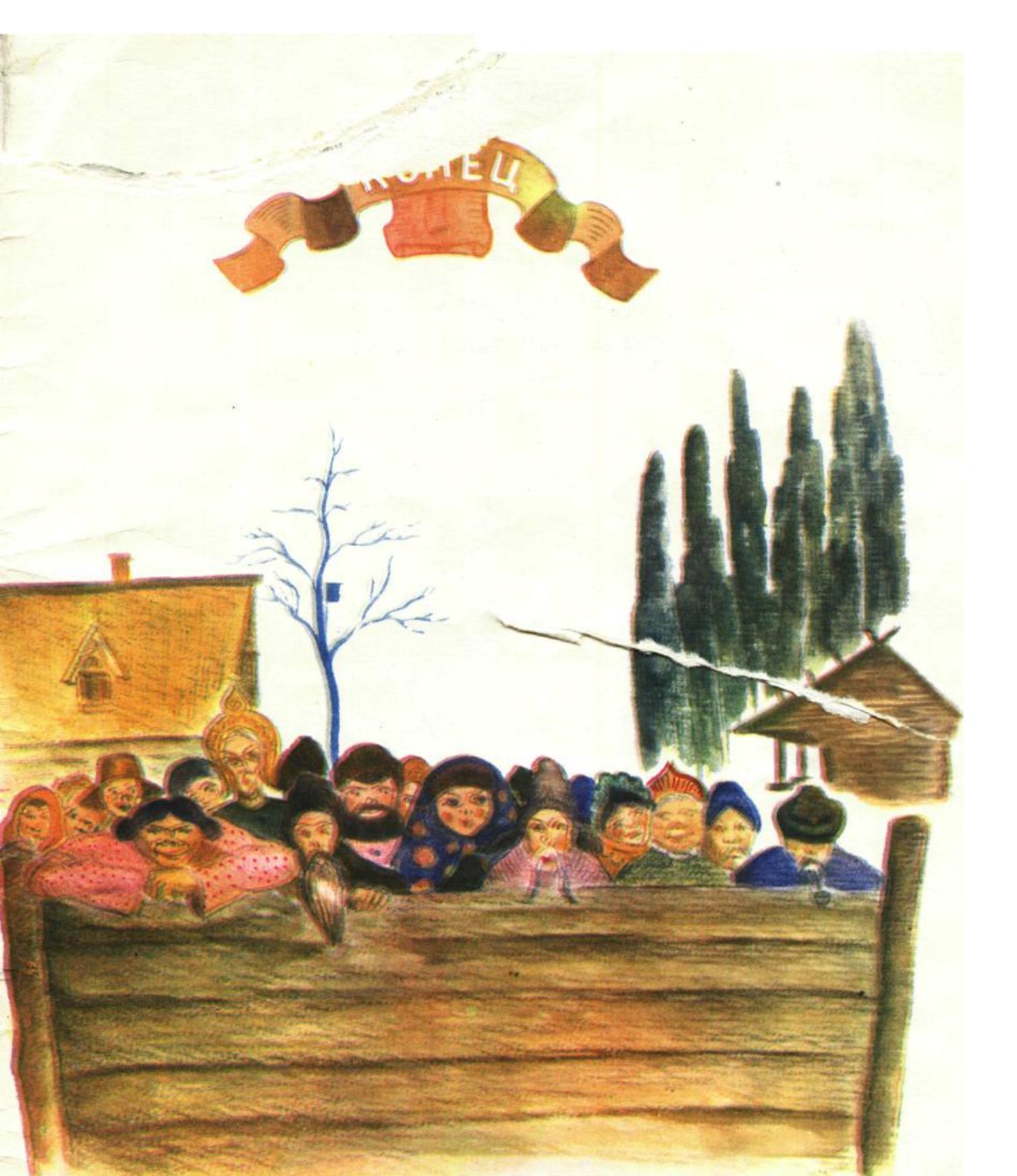
Вороне только это и надо. Схватила веретёнце и давай вокруг летать, да быстрее ветра. Пряжа разматывается, ворона летает, всех опутывает. Солдат схватил свою Линку за руку и скорее бегом из дворца. Кто её знает, ведьма есть ведьма, что ей в голову взбредёт? А ворона-ведьма всё летает, летает. Всего жадного барина, всех его слуг опутала, как кокон сделала. Три дня и три ночи летала, а нитка всё не кончается. Обессилела ворона, упала на землю, да снова в ведьму страшную превратилась. Отдышалась, глянула на веретёнце, что в руках держала, а оно-то уж в спицу превратилось, стерлось всё. Только она повернула ту спицу, она — дзинь и сломалась. Позлилась ведьма, поворчала, да в лес к себе и ушла. С тех пор старается с солдатом не встречаться.

Барина с его слугами долго пришлось распутывать. Со всей округи люди набежали посмотреть на жадного да посмеяться. Еле живых выпутали.

Не вынес такого срама барин. Всё своё богатство оставил и убежал куда глаза глядят.

А солдат с Линкой в свою деревню вернулись. Вскоре свадьбу справили. И стали жить-поживать, добра наживать.

На том и сказке конец.

СОДЕРЖАНИЕ

О Т АВТОРА	5
Сказки	
РЖАВЫЙ ТОПОР	6
ОГНЕННАЯ ЛАНЬ	18
ЧУДО-ВЕРЕТЕНЦЕ	28

Для детей и юношества

Тремасов Николай Яковлевич

РЖАВЫЙ ТОПОР

(Сказки тётки Агаты)

Для младшего школьного возраста

Редактор Н. М. Мирская
Художественный редактор Л. В. Попов
Технический редактор Е. И. Синяева
Корректор С. С. Маркова

ИБ 1920

Сдано в набор 06.09.88. Подписано к печати 03.08.89.
Формат 60X84 1/8 - Бумага офсетная. Гарнитура
школьная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 5,58. Усл.
кр.-отт. 22,32. Уч.-изд. л. 3,27. Тираж 100 000 экз.
Заказ № 5344. Цена 30 коп.

Мордовское книжное издательство Государственного
комитета Мордовской АССР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли, 430000, г. Саранск,
Советская, 55.

Республиканская типография «Красный Октябрь» Госу-
дарственного комитета Мордовской АССР по делам
издательств, полиграфии и книжной торговли, 430000,
г. Саранск, Советская, 55-а.

